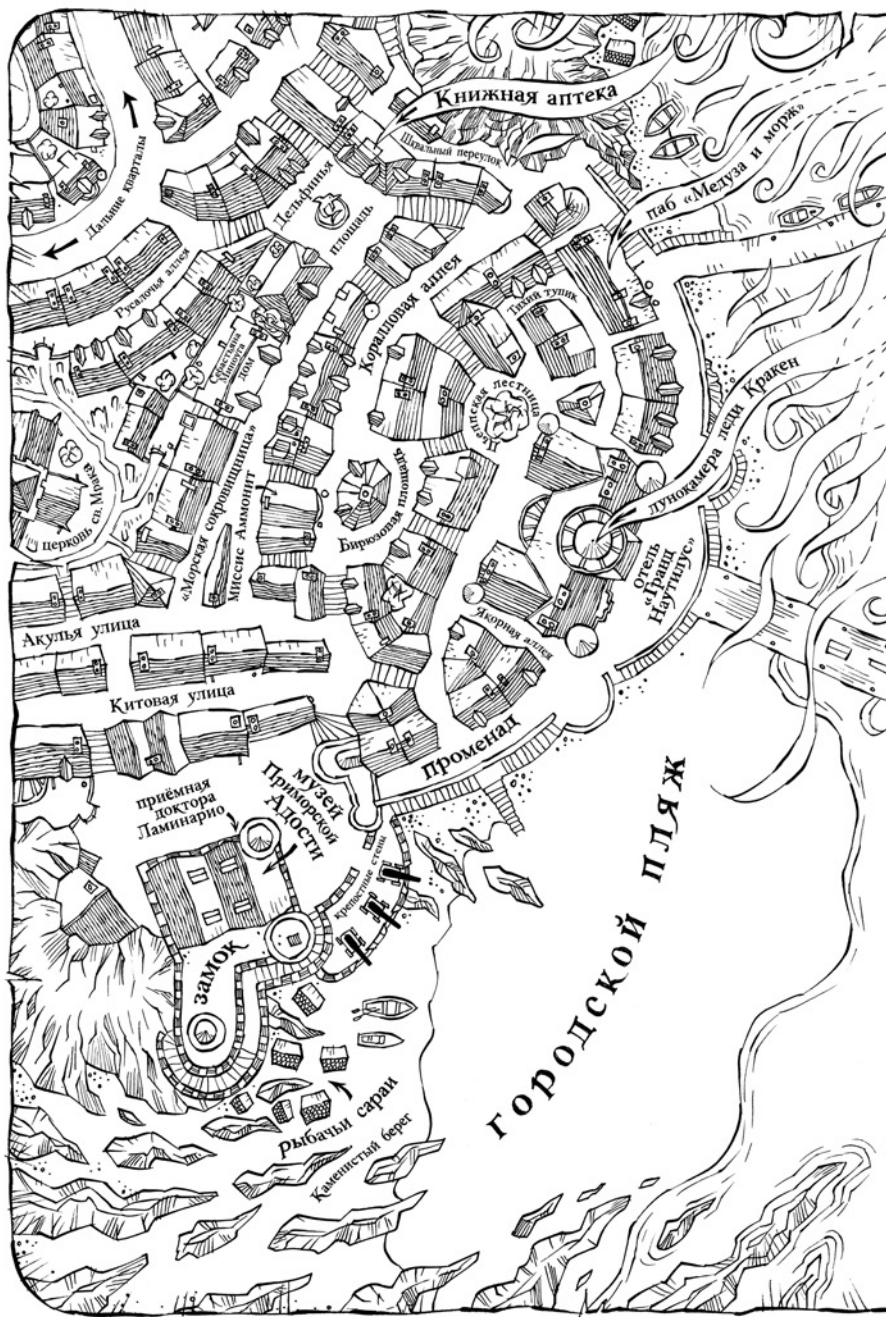

Посвящается Селии

Книжная аптека

Городской пляж

Променад

Замок

Музей Приморской Адости

приёмная доктора Ламиарио

рыбачьи сарай

Каменный берег

Акуляя улица

Китовая улица

«Морская совещаница»

Миссия Аммонит

Коралловая аптека

Биржевая площадь

Лестница

отель «Гранд Наутилус»

пунокамера лещи Кракен

лаб «Медуза и морж»

Дельфинья площадь

Лесничья

Ручейная аллея

Дачные кварталы

церковь св. Мориса

Якорная площадь

Музей Киндиков

Шаровый переулок

Пляжный переулок

Купальническая улица

Волнолом

КАРТА ПРИМОРСКОЙ АДОСТИ

Морская даль

закусочная мистера
Альбатроса

театр на конце
пирса

пирс

руины линкора
«Левнафан»

Зубастые скалы

ПРИМОРСКАЯ АДОСТЬ

ВОЗМОЖНО, ТЫ БЫВАЛ В ПРИМОРСКОЙ АДОСТИ, только сам об этом не подозреваешь.

Приезжал ты, скорее всего, летом. Повсюду продавалось мороженое, стояли шезлонги и летали чайки, которые выхватывали жареную картошку прямо у тебя из рук. И ты, наверно, вместе с мамой разгуливал среди прибрежных скал, в углублениях которых скапливаются маленькие солёные озёра — их ещё называют ведьмиными котлами. А твой папа нашёл там занятную ракушку. Помнишь? Когда ты уже сидел в машине, чтобы ехать домой, то посмотрел на надпись «Приморская Радость» — она составлена из лампочек и висит над пирсом. И мгновенно забыл весь этот день на морском берегу.

Такое у нас место.

Летом.

Но попробовал бы ты приехать к нам, когда начинаются зимние шторма! Когда ноябрьский ветер, по обыкновению, обрывает лампочки на пирсе, и «Радость» превращается в «Адость»! Когда морские туманы ползут по улицам городка, словно прозрачные щупальца, и брызги солёных волн лупят в дребезжащие окна отеля «Гранд Наутилус». В такое время сюда мало кто навевывается. А когда опускается темнота, даже местные жители держатся подальше от пляжа: там в Зубастых скалах воет ветер, там темнеет остов боевого линкора «Левиафан», и кое-кто клянётся, будто собственными глазами видел, как по берегу, поблёскивая чешуёй, ползёт зломандр.

Может статься, ты не веришь в зломандра. Может, ты думаешь, что такого чудовища, рыбчеловека, на свете быть не может. Отлично. Ешь своё мороженое, сиди в своём шезлонге. Эта история вообще не для тебя. Вот что: сделай себе одолжение и закрой эту книжку прямо сейчас. Захлопни её и положи в старую жестянку. Саму жестянку обмотай толстой цепью и брось с пирса в море. Забудь, что вообще слышал об Адости. Вернись к обычной жизни — вырасти, женись, заведи детишек. А когда они начнут ходить, привези их к нам на море, как когда-то привозили тебя. Конечно, летом. Погуляй с ними по пляжу и найди для них занятную ракуш-

ку, как когда-то нашёл тебе папа. Наклонись, чтобы её поднять. И ты вдруг обнаружишь, что она к чему-то прилипла...

К старой жестянке.

Замок давно сорван, и цепь пропала. Неужели это натворили морские волны?

Ты откроешь жестянку и увидишь...

...что она пуста.

Внутри только водоросли, рачки и что-то ещё...
Что-то вроде слизи.

За спиной у тебя послышится какой-то звук — как будто шаги. И они всё приближаются и приближаются. Кто-то подходит, мягко ступая склизкими ногами.

Ты оборачиваешься.

И что ты видишь?

Ну, что ты видишь?

В конце концов, может, эта история всё-таки для тебя.

ОТЕЛЬ «ГРАНД НАУТИЛУС»

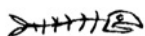
КСТАТИ, МЕНЯ ЗОВУТ ГЕРБЕРТ ЛИММОН. Но чаще меня называют просто Герби. Если вы обратите внимание на мою шапочку, то поймёте, что в отеле «Гранд Наутилус» я смотритель бюро находок. Кто-то когда-то говорил мне, будто бы в большинстве отелей никаких бюро находок нет, но, по-моему, это неправильно. А как тогда отелям поступать с найденными вещами? Ведь их много. И как тем, кто потерял своё добро, вернуть его обратно?

Полагаю, для такой должности я возрастом не вышел, но меня назначила на неё сама леди Кракен — владелица отеля. Даже мистер Моллюск, управляющий, и тот не поспорит. Конечно, он бы яростно возражал, потому что терпеть не может всё, что не приносит отелю прибыли. Будь на то его

воля, он бы прикрыл бюро находок, как только стал управляющим. И заколотил бы мой маленький закуток в вестибюле досками. И в таком случае я никогда бы не встретил ту девчонку.

Ту самую, которая влезла ко мне в окошко.

Ту самую, которая взмолилась: «Спрячь меня!»

— Спрячь меня!

Я оглядел её с ног до головы. Точнее, в основном я разглядел голову, потому что она тщетно дёргала оконную задвижку, а подвальные окошки у нас под потолком. Если девчонка и воровка, то неопытная.

— Умоляю!

Я помог открыть задвижку, и девчонка едва не придавила меня, свалившись через окошко в подвал. Поскольку на улице мело, то кроме неё самой в подвал просыпался ещё и целый снежный сугроб.

Мы оба поднялись, и я наконец рассмотрел её как следует. Потрёпанный свитер, шерстяная шапочка с помпоном еле держится на курчавой гриве. Девчонка хотела что-то сказать, но над головой у нас раздались голоса, и она осеклась. Голоса были громкие. Они неумолимо приближались. Девчонка в панике вытаращила глаза.

— Сюда, быстро! — шепнул я и толкнул её к здоровенному дорожному сундуку, который стоит у нас в бюро находок с незапамятных времён. Никто его так и не хватился. Девчонка и пикнуть не успела, а я уже запихнул её внутрь и закрыл крышку.

Теперь голоса раздавались прямо над моим закутком. Я узнал скулёж мистера Моллюска — он всегда так канючит и ноет, стоит ему попасть в переплёт. Я поспешно схватил пару-тройку ничейных сумок, зонтиков, ещё какое-то барахло и навалил на сундук — авось вся эта куча смотрится так, будто лежит тут годами. Тут у меня на стойке настырно зазвонил колокольчик: динь-дилинь-динь-динь. В него звонят постояльцы, когда нуждаются в моих услугах. Я поправил форменную шапочку и помчался из подвала вверх по ступенькам, старательно изобразив на лице «к вашим услугам», — будто там, внизу, ничего особенного не случилось.

Первый, кого я увидел в вестибюле, был мистер Моллюск. Он старательно приглаживал жидкий клок волос, прикрывающий лысину.

— Я уверен, произошло какое-то досадное недоразумение, — заискивающе лопотал он. — Если вы позволите мне уточнить...

Перед кем это он? Ого, ну и посетитель — в жизни таких не видел! Высоченный, в длинном чёрном

моряцком бушлате, промокшем до нитки. Навис над стойкой управляющего, точно чёрная скала, лицо мрачнее тучи, а глаз не видать из-под козырька потрёпанной капитанской фуражки. Крючковатым пальцем жмёт на кнопку моего звонка, да так яростно, словно хочет её выдавить, как глаз. Когда я выскочил из подвала, моряк прекратил звонить и навис уже надо мной — меня поглотила его тень.

— Где? Девчонка где? — спросил он твёрдым холодным голосом, точно роняя одну гранитную глыбу за другой.

— Кхм, — я прочистил горло и заговорил самым медовым тоном, как мистер Моллюск натаскивал меня говорить с клиентурой: — Простите, сэр, о ком идёт речь?

В желтоватой бороде приоткрылась щель рта, и оттуда раздалось злобное шипение. В этой бороде запутались водоросли, и она была такая длинная, что зацепилась за потускневшие медные пуговицы на бушлате. От незнакомца так и веяло угрозой.

— Где девчонка?

У меня в горле встал комок. К такому меня не готовили. Я всего-навсего мальчик при бюро находок.

— Многоуважаемый сэр, — заискивающе журчал мистер Моллюск, — уверен, мы сию минуту всё уладим. Что именно вы потеряли?

Незнакомец отвернулся от меня и вновь навис над управляющим. Потом выпростал из-под бушлата правую руку. Мистер Моллюск попятился, потому что вместо кисти у незнакомца был здоровенный корабельный багор — он заканчивался стальным крюком и зловеще сверкал.

— Девчонка, — повторил моряк.

Чего у старины Моллюска не отнимешь, так это соображения: он всегда чувствует, когда сдать, а когда сражаться. Сейчас он смекнул, что с разозлённым великаном в ссору лучше не вступать, и решил перейти на его сторону. И напустился на меня:

— Герберт Лиммон! У тебя там в подвале есть девчонка?

Ну вот, теперь они оба нависли надо мной.

Я замотал головой. Услужливое выражение с моего лица слетело, но я попробовал изобразить невинную улыбку.

— Нет, — сдавленно пискнул я. Терпеть не могу, когда голос так звучит. — У меня в подвале нет никаких девчонок. Ни единой.

И вот тут-то из подвала донёсся приглушённый шум. Именно такой звук производит тот, кого прятали в дорожный сундук и кто пытается устроиться в нём поудобнее.

Ну я влип!

Бородач разинул рот и торжествующе зарычал, сверкнув тёмными глазами из-под козырька. Потом рванул дверь в мой подвальчик, отшвырнул меня, а сам ринулся внутрь по узкой лестнице, задевая стены и пригибая не то что голову, но даже спину — такой он был огромный.

Я отлепился от стены и поспешил за бородачом. И не потому, что я такой храбрец, а потому, что не знал, как быть.

Моряк уже стоял посреди бюро находок и заполнял комнатку до самого потолка. Он внимательно поглядел на тающий снег под открытым подвальным окошком. Потом перевёл взгляд на мокрые следы на полу — они вели напрямик к сундуку. Всякая всячина, сумки и зонтики, которые я набросал на крышку, теперь валялись на полу. Собственно, с тем же успехом можно было поместить на сундук мигающую лампочками табличку: «Внимание! Она прячется тут!»

Мистер Моллюск скатился в подвал по лестнице, тоже увидел открытое окошко, снег, сундук и следы — и побагровел от ярости:

— Ну, Герберт Лиммон, знаешь ли!

Что я такое должен был узнать, осталось неизвестным, потому что бородач с крюком вместо руки как размахнётся да как саданёт по крышке сунду-

ка — с одного удара пробил её насквозь! Потом выдернул крюк и ударил снова, и ещё, и ещё. Крышка треснула, по всему подвалу полетели щепки. Здоровой рукой моряк откинул то, что ещё оставалось от крышки, и...

...мы все увидели, что в сундуке пусто!

Точнее, не совсем пусто. Посреди хлама сидел очень удивлённый паук. А рядом с ним валялась шерстяная шапочка с помпоном. Паук метнулся прочь. Какая жалость, что я не могу убежать, как он. Осталась только яркая шапочка — несомненно та, что была на девчонке. Но вот самой девчонки и след простыл.

Бородач медленно и ловко подцепил шапочку своим крюком. Потом повернулся и протянул её мне. Лицо его было темнее грозовой тучи. Я осторожно снял шапочку с крюка. Каким-то чудом мне удалось не пискнуть от испуга.

— Просто кто-то потерял, — сказал я. — У нас тут бюро находок. Вот мне её и принесли сегодня утром. Только... Только я ещё не приделал к ней бирку.

На миг-другой настала полнейшая тишина. Потом бородач зарычал — яростным, злобным рыком без слов. И давай перерывать весь подвальчик, размахивая ручищами. Я попятился и плюхнулся на ступеньки лестницы, потому что в воздух так и взви-

лись сумки, пальто, шляпы, зонтики — целый вихрь забытого и потерянного барахла. Бородач докопался даже до вещей, которые лежали нетронутыми чуть ли не сто лет. Он всё рылся и рычал, рылся и рычал, стараясь отыскать девчонку.

Но так и не нашёл.

Она бесследно исчезла.

